
М. К. ЧУРКИН

**«НЕУДОБНЫЙ КЛАСС»:
КРЕСТЬЯНСТВО В ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОМ
ДВИЖЕНИИ В СИБИРЬ
(вторая половина XIX – начало XX века)**

В статье рассматривается проблема места, роли и социального самосознания крестьянства в переселенческом движении в Сибирь как важной составляющей имперского проекта аграрной колонизации восточных окраин России. С опорой на современные подходы и научно-исследовательские практики выявляются социокультурные характеристики крестьянства, оказавшие влияние на результаты переселенческого процесса.

Ключевые слова: «неудобный класс», крестьянство, рефлексивное крестьяноведение, колонизация, переселения, социальная мобильность, идентичность.

Крестьянская тема в тесной связи с переселенческим движением в Сибирь стала широко растиражированным сюжетом историографии со второй половины XIX века. В известной степени можно говорить о первом всплеске интереса к аграрной проблематике и собственно к крестьянству в общественно-политической мысли и исторической публицистике в период отмены крепостных отношений и реализации либеральных реформ 1860–1870-х годов. Миграционный аспект проблемы оказался включенным в общественно-политическую и историографическую полемику к началу 1880-х годов, когда с особой остротой проявил себя аграрный кризис в земледельческих районах Европейской России с характерными для него признаками: малоземельем, избытком населения, занятого в аграрном секторе, на фоне демографического перехода и доминанты архаичных форм хозяйственной деятельности. «Пионерами» в исследовании крестьянства в этот период стали непосредственные свидетели и участники кризисных явлений в аграрной сфере, представлявшие официальные, либеральные и либерально-народнические кластеры российского общества

Историческая психология и социология истории 2/2014 109–116

(см.: Ермолов 1906; Кауфман 1905; Воронцов 1911). Названные исследователи видели в народных миграциях прежде всего проявление экономических девиаций в главной хозяйственной отрасли империи – земледелии. Злободневность аграрного вопроса в значительной степени нацеливала научное сообщество и публицистов на поиск эффективных и чаще всего паллиативных решений по урегулированию кризисной ситуации. Вне поля зрения оставались сюжеты, иллюстрирующие специфику социального поведения крестьянства, психологических характеристик самого многочисленного сословия, особенности поведения в условиях риска, коллективное и индивидуальное мышление. Работы крестьяноведческого направления во второй половине XIX – начале XX века переживали стадию становления, и их влияние на общеисториографическую традицию было до крайности слабым (см.: Исаев 1891; Гурвич 1888; Чаянов 1989). В результате сложившиеся подходы к оценке переселенческого движения и места в нем главного субъекта – крестьянина – в советской историографии были законсервированы. Только с начала 1990-х годов «триумфальное шествие» экономического детерминизма в аграрной историографии оказалось приостановлено. Увидели свет и приобрели необычайную популярность работы, посвященные антропологическим составляющим в организации крестьянского двора. Важную роль в переопределении предмета исследования российскими специалистами в области аграрной истории и истории переселений сыграли труды Т. Шанина (1992), репрезентировавшие крестьяноведческие методики и положившие начало новому крестьяноведческому дискурсу, в эпицентре которого достойное место заняли такие понятия, как «моральная экономика», «экономика и этика выживания» и «социальная память крестьянства».

Основоположник социологической теории рефлексивного крестьяноведения Т. Шанин определил крестьянство как «неудобный класс», вкладывая в это понятие глубокий социокультурный смысл. Сегодня, в условиях произошедшего антропологического поворота в гуманитаристике, когда идет переосмысление роли крестьянства как субъекта социальной деятельности, на первый план выходят такие категории, как мышление, сознание, стереотипы поведения лиц земледельческого сословия. Значимыми становятся обстоятельства повседневной жизни крестьянства, а также тексты, исхо-

дящие непосредственно из крестьянской среды, косвенно демонстрирующие реакции членов традиционного общества на модернизационные процессы и в конечном счете позволяющие по-новому оценить специфику поведения так называемого «неудобного класса». В условиях России, исторически втянутой в колониационный процесс, «неудобность» крестьянства являлась наиболее очерченной и характеризовалась несколькими параметрами.

Во-первых, социальный статус и поведенческие стратегии лиц крестьянского сословия в России как бы «выламывались» из всех передовых теорий и практик, в частности теории и практики модернизации традиционных обществ. Формальное равенство сословий, установившееся в России с ликвидацией системы крепостных отношений, в реальности оставило крестьянство в совершенно иной системе координат по сравнению с другими сословиями, системе координат, где традиционные устои (господство общинных отношений, обычное право и т. д.) не только сохранились, но и подверглись значительной консервации.

Во-вторых, российское крестьянство являлось «неудобным классом» в силу своей «инакости», что находило выражение в противоречивости ощущений сословной принадлежности, своеобразном внутрисоциумном локализме, горизонтальной социальной мобильности. Образ социокультурной идентичности в крестьянском социуме поддерживался в форме стабильных, структурировавшихся в течение длительного исторического периода представлений о собственности, свободе, справедливости, целесообразности принятых решений, что наглядно проявилось в переселенческом движении пореформенного времени.

Определяя степень инкорпорации крестьянства в общую колониационную парадигму, министр внутренних дел В. К. Плеве констатировал факт автономности государственной политики в переселенческом вопросе от собственно крестьянских переселений, подчеркивая, что «вековое народное движение упорно идет своим путем... переполняя одни местности и обходя другие» (цит. по: Островский 1991: 127). Исследователи Сибири, обращая внимание на специфические моменты в ее колонизации, рассматривая их сквозь призму законодательной и нормативной деятельности властных структур, склонны были считать, что переселенческое движение и законодательство есть история самовольных переселений.

По мнению Ю. М. Лотмана (1994), русская деревня всегда представляла собой зону системной иррегулярности, что означало специфическую логику мышления и стратегий поведения людей, составляющих традиционное общество. В рамках существующего крестьянского внутрисословного локализма, строившегося на основаниях дихотомии «мы – они», «свои – чужие», принятие решений о переселении, а также выбор стратегий миграции и территориальных траекторий движения в различные местности Сибири формулировались главным субъектом колонизации независимо от правительственных программ и планов. Согласно статистическим данным, масштаб самовольных переселений в Сибирь в исследуемый период колебался от 75–78 % в 1891–1894 годах до 67 % в 1896–1906 годах (Колонизация... 1900). В этой связи можно говорить о том, что существование и рост нелегитимной переселенческой активности являлись следствием двух тесно переплетенных между собой факторов, находящихся в жестком антагонизме: государственных воззрений на колонизационный процесс, выраженных в законодательстве и циркулярной практике, с одной стороны, и особого понимания земледельцами своих прав на переселение, воплощенных в представлениях о крестьянствовании как образе жизни, а также традициях, обычно-правовых установках – с другой.

Зададимся вопросом: в каких именно точках наиболее заметно обнаруживались «демаркационные швы», «разрывы» в переселенческом движении как общегосударственном процессе? И что дает нам возможность говорить о «неудобности» крестьянства в аграрной колонизации?

Центральные и региональные органы власти, координирующие переселенческое движение, были не в состоянии обеспечить относительно высокий уровень подготовки (материальной и психологической) крестьянства к ответственному акту переселения, что в практической плоскости означало неспособность миграционного контингента быстро и эффективно адаптироваться к новым условиям проживания. Пространство переселенческой пропаганды, заполненное публикациями законодательного, нормативного и информационного содержания, всегда существовало обособленно от субъекта колонизации и не оказывало влияния на переселенческую активность крестьянства. Основная причина подобного положения

вещей заключалась в эластичности жизненного стандарта потенциальных мигрантов. А. Трайнин (1909: 46–49), изучавший в начале XX века проблему различий в строении городской и сельской обеспеченности, полагал, что недоедание в деревне носит хронический характер, а путь к полной нищете и «голодному» хлебу поэтапен. Стремление избежать неопределенности и вырваться из рамок травмирующей среды ориентировало крестьян на формирование адекватных стратегий адаптации, сохранение сословной идентичности, принадлежности к крестьянству. Такие паллиативные меры спасения хозяйства, как аренда, найм, земледельческие промыслы и даже хождение «в кусочки», для крестьян оставались предпочтительнее переселений. До тех пор, пока крестьянин мог пахать, сеять или иным образом быть при земле на родине, добываясь минимальных результатов и сохраняя, таким образом, сословную принадлежность, никакими правительственными инициативами его нельзя было оторвать от насиженных мест.

Окончательное обнищание крестьянства (прежде всего в земледельческих районах Европейской России), опасность сословной дисквалификации превращали переселения в массовый процесс, к которому, повинуясь логике «коллективных иллюзий», подключались представители состоятельных и среднесостоятельных слоев деревни. Принятие решений о переселениях в новых жизненных обстоятельствах не корреспондировало с государственной политикой в области аграрной колонизации, поскольку данный акт являлся вариантом адаптивной стратегии, направленным против раскрестьянивания. В подобной ситуации бюрократическая машина вновь начинала «буксовать», не справляясь с наплывом переселенцев.

В самом переселенческом потоке в наибольшей пропорции были представлены государственные крестьяне черноземной полосы России, менее всего вовлеченной в процессы агрикультурной реконструкции и модернизации сельского хозяйства. В местах выхода данной категории мигрантов попытки интенсификации сельскохозяйственного производства путем приобщения крестьян к новым аграрным технологиям базировались на частной инициативе, нося эпизодический и экспериментальный характер. Но чаще всего в сельскохозяйственной сфере для земледельца аргументом был опыт соседа и соображения сиюминутной выгоды, что соответствовало вызовам первобытного мышления, не способного к абст-

рактным операциям. В местах водворения, в условиях 15-десятиной нормы наделения, экстенсивные практики землепользования с применением примитивной техники и архаичных технологий распространялись и на новые районы, способствуя консервации экономических стереотипов поведения, формируя новую область проблем, связанных со стабильным сокращением колонизационного фонда. Такие знаковые медиаторы, как тексты, исходящие из крестьянской среды, дают наиболее полные и достоверные сведения о крестьянине-человеке, личности. Многочисленные крестьянские прошения, ходатайства, жалобы пестрят сетованиями на неблагоприятные географические и климатические условия, бытовой дискомфорт, но практически не фиксируют фактов пагубного многоземелья.

«Неудобность» крестьянства в осуществлении государственных проектов аграрной колонизации Зауралья определялась тотальной дискретностью переселенческого движения: многоэтапностью и одновременностью самого акта миграции, пестрым этническим и конфессиональным составом участников движения, формированием в регионе вселения переселенческого и старожильческого хозяйственно-культурных комплексов с устойчивой тенденцией для последнего трансформироваться в субэтническую общность. Так вместо образования «плавильного котла» вновь актуализировались признаки системной иррегуляции с характерным для нее отсутствием общего и постоянного стандарта поведения, ответственного за поддержание в сознании крестьянства ментального образа своего сходства: «Наша собинка малинкой, ваша собинка вонюгой поросла»; «Кто о чем, а мы о своем», «Что мне до чужих? Да пропадай хоть и свои» (Даль 2000: 603–614). Следующий этап – наличие регулярных конфликтов внутри крестьянского сообщества, в основе которых лежали именно поведенческие основания, а экономические обстоятельства выступали лишь в качестве общего неблагоприятного фона. И этого оказалось достаточно для разрушения внутрисословных связей, что создало благоприятные условия для исчезновения таких понятий, как русское или сибирское крестьянство.

Важно отметить, что в процессе переселений в Сибирь наглядно проявились основные тенденции российской колонизации. В имперской политике второй половины XIX – начала XX века обнару-

жилося стремление власти к унификации сибирского управления и сближения административного устройства Сибири и Европейской России, что в практической плоскости стимулировало активность государства в регламентации социальной жизни населения края, вмешательство в крестьянскую повседневность. Культурный миф о Сибири как «крае особенно привольном» постепенно элиминировался из крестьянского сознания. Реакцией населения, занятого в аграрном секторе экономики, на активизацию государственных структур стала дальнейшая консервация традиционного уклада в производственной деятельности, стремление к социальной обособленности, что наиболее ярко проявилось в катастрофичные годы революции и Гражданской войны.

Переселенческое движение в Сибирь никогда не вписывалось в программные правительственные предначертания, а эффективность переселений оставалась крайне низкой, что подтверждается стабильно высоким «баллом» обратных миграций (в отдельные годы до 23,2 %) (Кауфман 1905). Стихийность миграционного процесса приводила к неравномерному распределению крестьян в Сибири по годам и территориям, а это влекло за собой постепенное исчерпание колонизационного фонда, диспропорции в экономическом развитии, социальные и межличностные конфликты.

Литература

Воронцов, В. П. 1911. *Очерки крестьянского хозяйства*. СПб.: Санкт-Петербург.

Гурвич, И. А. 1888. *Переселения крестьян в Сибирь*. СПб.: Тип. Левенсон и Ко.

Даль, В. И. 2000. *Пословицы русского народа*: в 3 т. Т. 2. М.: Русская книга.

Ермолов, А. С. 1906. *Наш земельный вопрос*. СПб.: Тип. В. Киршбаума.

Исаев, А. А. 1891. *Переселения в русском народном хозяйстве*. СПб.: А. Ф. Цинзерлинг.

Кауфман, А. А. 1905. *Переселение и колонизация*. СПб.: Тип. т-ва «Общая польза».

Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом. 1900. СПб.: Издание Канцелярии Комитета Министров.

Лотман, Ю. М. 1994. *Беседы о русской культуре*. СПб.: Искусство.

Островский, И. В. 1991. *Аграрная политика царизма в Сибири периода империализма*. Новосибирск: НГУ.

Трайнин, А. А. 1909. Преступность города и деревни в России. *Русская мысль* 7: 46–49.

Чаянов, А. В. 1989. *Крестьянское хозяйство. Избранные труды*. М.: Экономика.

Шанин, Т. (сост.) 1992. *Понятие крестьянства. Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире*. М.: Прогресс-Академия.